

А. В. Котова

СПбГУ, Санкт-Петербург

ДВОЙНЫЕ СРАВНЕНИЯ В «ЭНЕИДЕ» ВЕРГИЛИЯ

Развернутые сравнения являются важнейшей составляющей греко-римской эпической поэзии.

У Гомера такие сопоставления нередко построены на одном *tertium comparationis* [Ashley 1932: 23]. Для примера рассмотрим стихи, где шум, с которым неслось греческое войско, сравнивается с криком, издаваемым стаями диких птиц (II. II, 459–466):

- (1) Τῶν δ' ὥς τ' ὄρνιθων πετεηνῶν ἔθνεα πολλὰ
χηνῶν ἢ γεράνων ἢ κύκνων δουλιχοδείρων
Ἀσίῳ ἐν λειμῶνι Καῦστρίου ἀμφὶ ῥέεθρα
ἔνθα καὶ ἔνθα ποτῶνται ἀγαλλόμενα πτερύγεσσι
κλαγγηδὸν προκαθίζοντων¹, σμαραγεῖ δέ τε λειμῶν,
ὥς τῶν ἔθνεα πολλὰ νεῶν ἄπο καὶ κλισιάων
ἐς πεδίον προχέοντο Σκαμάνδριον: αὐτὰρ ὑπὸ χθὼν
σμερδαλέον κονάβιζε ποδῶν αὐτῶν τε καὶ ἵππων.
‘Их племена, как птиц перелетных несчетные стаи, / Диких
гусей, журавлей иль стада лебедей долговыйных / В злачном
Азийском лугу, при Каистре широкотекущем, / Вьются туда
и сюда и плесканием крыл веселятся, / С криком садятся
противу сидящих и луг оглашают, — / Так аргивян племена,
от своих кораблей и от кущей, / С шумом неслися на луг
Скамандрийский; весь дол под толпами / Страшно кругом
застонал под ногами и коней и воев’ [Гнедич 1990].

Уподобление держится на одном *tertium comparationis* — многочисленности и шуме толпы; а детальное описание птиц, их

¹ Προκαθίζοντων — трудное место, вызывавшее дискуссии, которые в рамках данной статьи обсуждаться подробнее не будут.

пород и поведения² имеет для поэта самостоятельную ценность и никак не связано с аргивянами.

В то же время уже в гомеровских поэмах можно найти примеры, как традиционный механизм эпического сравнения подвергается индивидуальной авторской обработке, идущей по линии умножения *tertia comparationis*; к примеру, в «Илиаде» блеск панциря Ахилла, бегущего по троянской равнине, сравнивается с Сириусом (XXII, 25–32). Может показаться, что это стандартное эпическое сравнение: *tertium comparationis* — сверкание доспехов и звезды — задано *expressis verbis* (ст. 26; 32), а все подробности о Сириусе имеют характер автономного отступления. Однако рассказывая об этой звезде, Гомер акцентирует ее вредоносность, опасность для людей — и тем самым сравнение с Ахиллом, сеющим вокруг себя смерть, получает дополнительное, эксплицитно не выраженное, но более значительное *tertium comparationis*. Приам, глазами которого увиден Ахилл в пассаже, не любит блеском его доспехов, а с ужасом следит за приближением смертельно опасного врага [Richardson 1993: 108].

Взяв за образец поэмы Гомера, Вергилий развивает технику его эпических сравнений: он словно укрепляет и расширяет их, добавляя дополнительные *tertia comparationis*, чтобы сравнения основывались не на одном, а на нескольких пунктах сразу. В качестве примера можно привести пассаж, где Лаокоон, опутанный змеями, сравнивается с быком (II, 220–224):

- (2) *ille simul manibus tendit divellere nodos
perfusus sanie vittas atroque veneno,
clamores simul horrendos ad sidera tollit:
qualis mugitus, fugit cum saucius aram
taurus et incertam excussit cervice securim.*

‘Тщится он разорвать узлы живые руками, / Яд и черная кровь повязки жреца заливает, / Вопль, повергающий в дрожь, до звезд подымлет несчастный, — / Так же ревет и неверный топор из загрибка стремится / Вытрясти раненый бык, убегая от места закланья’ [Ошеров 1994].

² П. Мазон, отметив «мелочную точность» этой картины, считает возможным возводить ее «к личным воспоминаниям» автора «Илиады» [Mazon 1992: 47].

Хотя на первый взгляд может показаться, что сравнение здесь проводится только относительно стонов, на деле *tertia comparationis* несколько: кроме шума, это попытки спастись (Лаокоон пытается вырваться из плена змей, а бык — стряхнуть несущий ему гибель топор) и кровь (ей залиты повязки Лаокоона и, хотя Вергилий об этом напрямую не говорит, наверняка ей залит бык). Более того: именно благодаря сравнению у Вергилия Лаокоон (который чуть выше заклал у алтаря именно быка — ст. 201–202) сам предстает жертвой, обреченной богами. Таким образом сравнение оказывается искусно соединено с основным повествованием: из автономного отступления оно превращается в своего рода фокус линзы, в котором соединяются и обретают смысл все главные мотивы эпизода.

Помимо одиночных сравнений в эпосе встречаются двойные, имеющие один объект и два образа. Двойные сравнения могут обладать кумулятивным эффектом, усиливая и подчеркивая одно *tertium comparationis*, или же показывают предмет с двух разных сторон — в этом случае их *tertia comparationis* не вполне тождественны. В эпической традиции такие сравнения появляются уже у Гомера: например, II. II, 144–149, где сходка ахейцев уподобляется сперва бурному морю, а затем волнующейся ниве, причем обе части сравнения связаны общим элементом — ветром:

- (3) κινήθη δ' ἄγορῇ φη κύματα μακρὰ θαλάσσης
πόντου Ἰκαρίοιο, τὰ μὲν τ' Εὐρός τε Νότος τε
ἄρορ' ἐπαΐξας πατρὸς Διὸς ἐκ νεφελῶν.
ὥς δ' ὅτε κινήσῃ Ζέφυρος βαθὺ λήϊον ἔλθων
λάβρος ἐπαιγίζων, ἐπὶ τ' ἡμῦν ἄσταχύνεσιν,
ὥς τῶν πᾶσ' ἄγορῇ κινήθη: <...>

‘Встал, всколебался народ, как огромные волны морские, / Если и Нот их и Эвр, на водах Икарийского понта, / Вздуют, ударивши оба из облаков Зевса владыки; / Или, как Зέфир обширную ниву жестоко волнует, / Вдруг налетев, и над нею бушующий клонит колосья; / Так их собрание все взволновалось’ [Гнедич 1990].

В гомеровских поэмах есть и двойные сравнения более сложной конструкции, например, II. V, 554–560:

- (4) οἷω τῷ γε λέοντε δῶω ὄρεος κορυφῇσιν
ἐτραφέτην ὑπὸ μητρὶ βαθείης τάρφεσιν ὕλης:

τὸ μὲν ἄρ' ἀρπάζοντε βόας καὶ ἴφια μῆλα
 σταθμοὺς ἀνθρώπων κεραΐζετον, ὄφρα καὶ αὐτὸ
 ἀνδρῶν ἐν παλάμῃσι κατέκταθεν ὀξεί χαλκῷ:
 τοίῳ τὸ χεῖρεσσιν ὑπ' Αἰνείαο δαμέντε
 καλπεσέτην, ἐλάτησιν ἐοικότες ὑψηλῇσι.

«Словно два мощные льва, на вершинах возросшие горных,
 / Оба под матерью львицей вскормленные в лесе дремучем,
 / Тучных овец и тельцов круторогих из стад похищая, /
 Окрест дворы у людей разоряют, доколе и сами / Ловчих
 мужей от руки под убийственной медью не лягут, — / Так и
 они, пораженные мощной рукою Энея, / Рухнулись оба на
 землю, подобные соснам высоким» [Гнедич 1990].

На первый взгляд может показаться, что речь идет о двух независимых сравнениях с разными объектами; однако две части сопоставления словно проникают друг в друга, их общими точками являются гибель и «острая медь» (названная в первом случае и подразумеваемая во втором).

Вергилий, в свою очередь, заимствует прием двойных сравнений из предшествующей эпической традиции — в «Энеиде» их 20: I, 588–593; IV, 465–473; V, 588–595; VI, 305–312; 700–702; 792–805; VII, 710–721; IX, 25–32; 433–437; 561–566; X, 132–137; 270–275; XI, 454–458; XII, 67–69; 521–528; 919–923³. Двойные сравнения использованы им или кумулятивно (так, в IX, 561–566 Турн бросается на Лика, как орел на зайца или волк на ягненка), или же для того, чтобы показать предмет с разных сторон. Во втором случае поэт подчас выстраивает изощренные конструкции, далеко уводящие от незамысловатого «как... или как...».

Примером этой техники является в высшей степени замысловатое сравнение из 5-й книги. Юный Асканий демонстрирует на поминальных играх по Анхизу свой отряд, состоящий из троянских мальчиков. После подробного рассказа о внешности троянцев, о том, кто руководил каждой из трех турм и кто на каких

³ В этот перечень не включены псевдодвойные сравнения, образы которых синонимичны, так что весь текст сопоставления, кроме одного слова, оказывается общим, например: *non aliter quam si immissis ruat hostibus omnis / Carthago aut antiqua Tyros* (IV, 669–670) или *ut quondam cava concidit aut Erymantho / aut Ida in magna radicibus eruta pinus* (V, 448–449).

конях скакал (ст. 553–574), сообщается, каким образом этот отряд двигался, и тут же вводится двойное сравнение (ст. 588–595):

- (5) *ut quondam Creta fertur Labyrinthus in alta
parietibus textum caecis iter ancipitemque
mille viis habuisse dolum, qua signa sequendi
frangeret indeprensus et inremeabilis error;
haud alio Teucrum nati vestigia cursu
impediunt texuntque fugas et proelia ludo,
delphinum⁴ similes qui per maria umida nando
Carpathium Libycumque secant [luduntque per undas]⁵.*

На критских холмах, повествуют, когда-то / Был Лабиринт,
где сотни путей меж глухими стенами / В хитрый сплетались
узор и где все путеводные знаки / Людям помочь не могли,
безысходно блуждавшим вслепую. / Так же теперь следы
перепутались юных троянцев, / То убежавших стремглав, то
сходившихся в битве потешной, / Словно дельфины, когда в
многоводном море Ливийском / Или Карпафском они затевают
резвые игры [Ошеров 1994].

В первой части траектория движения мальчиков сопоставляется с Лабиринтом. Большая часть ученых считает, что точкой сравнения здесь является сложность их маршрута [Forbiger 1873: 608; Page 1894: 429; Williams 1960: 153; Putnam 1966: 86; Hornsby 1970: 53]⁶; действительно, поэт *expressis verbis* говорит об этом (*vestigia cursu / impediunt texunt que fugas et proelia*), а детальное описание,

⁴ Еще Дж. Конингтон отмечал, что это место — единственное, где Вергилий использует *similis* + *gen.* [Conington 1863: 387]. Р. Д. Уильямс объясняет это стремлением избежать формы *dat. pl.* от греческого *delphis*, которое поэт всегда употребляет вместо *delphinus* [Williams 1960: 155].

⁵ Слова *luduntque per undas* в части рукописей отсутствуют. Большинство издателей убирают их из текста, рассматривая как вставку на месте неполного стиха (например: [Williams 1960: 19; Mynors 1969: 218; Geumonat 1973: 356]); К. Каппес, напротив, сохраняет *luduntque per undas*: по его мнению, эти слова, переключаясь с *texunt ludo*, указывают на *tertium comparationis* [Kappes 1884: 67].

⁶ Т. Ладеви́г — К. Шапер считают, что «это сравнение объясняет кажущееся беспорядочным переплетение в блуждании по кругу, описанном в ст. 583 sqq.» [Ladewig, Schaper 1912: 226].

предшествующее самому сравнению, явно усиливает эффект запутанности.

Во второй части мальчики сравниваются с дельфинами, однако по какому признаку, поэт прямо не говорит.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что параллелью для этого места является пассаж из «Аргонавтики» Аполлония (IV, 933–938) [Wilkins 1921: 172; Heyne, Wagner 1832: 800–801; Conington 1863: 387; Williams 1960: 155; Schell 2009: 213]:

- (6) ὥς δ' ὀπτόταν δελφῖνες ὑπὲξ ἄλός εὐδιόωντες
 σπερχομένην ἀγεληδὸν ἐλίσσωνται περὶ νῆα,
 ἄλλοτε μὲν προπάροιθεν ὀρώμενοι, ἄλλοτ' ὀπισθεν,
 ἄλλοτε παρβολάδην, ναύτησι δὲ χάρμα τέτυκται:
 ὥς αἱ ὑπεκπροθέουσαι ἐπήτριμοι εἰλίσσοντο
 Ἀργῶν περὶ νηί, Θέτις δ' ἴθυνε κέλευθον.

‘Как иногда дельфины толпой при спокойной погоде / В море вокруг быстроходной ладьи кружить начинают / И или пред кораблем различаешь их глазом, иль сзади / Иль, наконец, с боков, и на радость они мореходам, / Так Нереиды, толпою вперед выносясь, кружились / В круг Арго, а Фетида ему направляла дорогу’ [Церетели 1964].

Хотя лексических параллелей между местом из «Энеиды» и пассажем из «Аргонавтики» почти нет (кроме ὑπὲξ ἄλός — per maria), влияние аполлониевского сравнения кажется бесспорным. Вергилий, в соответствии со своей обычной практикой, видоизменил источник: убрал корабль, так как тот просто не вписался бы в контекст (сравнение мальчиков на конях, красующихся перед старшими, с дельфинами, которые плывут около корабля, рисковало выглядеть нелепым). К тому же, как отмечает Дж. Конингтон [Conington 1863: 387], Вергилий уже довольно подробно описал движение мальчиков, так что рассказывать, как именно перемещались дельфины, у него уже не было необходимости; поэт предлагает читателю дополнить образ самому. Кроме того, перед нами своего рода поэтическое состязание: Аполлоний сопоставляет близкие вещи, его сравнение много проще (нереиды кружатся вокруг корабля так, как это делают дельфины; все, сказанное о вторых, может быть отнесено к первым). В контексте Вергилия сравнение выглядит достаточно оригинально: описание дельфинов приобретает черты самостоятельной картины

(как это и свойственно типичному гомеровскому сравнению), а установление *tertium comparationis* становится для читателя интересной задачей.

Среди ученых распространено мнение, что сравнение подразумевает именно быстроту дельфинов: так считали Г. Ф. Э. Вагнер, Дж. Конингтон, А. Форбигер и т. д. [Heyne, Wagner 1832: 800–801; Conington 1863: 388; Forbiger 1873: 608].

Действительно, в античной литературе есть ряд упоминаний о скорости дельфинов. Об этом писал еще Аристотель (*Hist. anim.* IX, 631a, 20 sqq.):

Рассказывают и невероятные вещи о быстроте этого животного [дельфина], ведь оно, как кажется, является самым быстрым из всех животных, как водных, так и наземных, и перескакивает мачты больших судов. Чаще всего это случается с ними, когда они преследуют какую-нибудь рыбу ради пропитания; ведь тогда, если она ускользает, то следуют за ней в глубину из-за голода; а когда возвращение [наверх] оказывается для них долгим, они задерживают дыхание, как бы сделав расчет, и, сжавшись, несутся, как стрела, стремясь на скорости пройти расстояние до вдоха, и перескакивают мачты, если где-то встретится судно. [Карпов 1996]

С опорой на Аристотеля о дельфинах пишет Плиний Старший; помимо прочего, он сообщает и об их скорости (IX, 20):

Самым быстрым из животных, и не только морских, является дельфин, более быстрый, чем птицы, более стремительный, чем копые, и если бы его рот не находился намного ниже носа, почти посередине брюха, ни одна рыба не ушла бы от него. Но предусмотрительность природы ставит препятствия, так как дельфины не могут схватить добычу, если не перевернутся на спину. Быстрота их особенно выявляется на таком примере: когда они, стремясь утолить голод, преследуют в глубинных водах спасающихся от них рыб, и при этом надолго задерживают дыхание, то чтобы подышать, устремляются наверх, как стрелы, пущенные из лука, и с такой силой выпрыгивают из воды, что часто перелетают через паруса кораблей. [Литичевский 1995]

Немного дальше Плиний добавляет (IX, 24):

Человека он не боится, как других существ, а напротив, спешит навстречу кораблям, резвится подпрыгивая и даже соревнуется с

кораблями и обгоняет их, даже когда они идут на всех парусах. [Литичевский 1995]

Высокую скорость этих млекопитающих отмечают также современные биологи: взрослый дельфин способен преодолевать свыше 50 км за час [Гиляров 1986: 172].

Другое — близкое, но не идентичное — *tertium comparationis* связано с резвостью и оживленностью дельфинов. Оно несколько раз упоминается у поэтов: Acc. fr. 479–480 Dangel: *Sicut citati atque alacres rostris perfremunt / Delphini...* — «Как быстрые и резвые дельфины фыркают мордами»; Ovid. Met. III, 683–686, где описывается превращение моряков в дельфинов:

(7) *undique dant saltus multaue adspergine rorant
emerguntque iterum redeuntque sub aequora rursus
inque chori ludunt speciem lascivaque iactant
corpora et acceptum patulis mare naribus efflant.*

‘Прыгают в разных местах, обильною влагой струятся, / И возникают из волн, и вновь погружаются в волны, / Словно ведут хоровод, бросаются, резво играя. / Воду вбирают и вновь из ноздрей выпускают широких’ [Шервинский 1977].

Эта точка зрения тоже имеет своих сторонников: Дж. Генри, например, считал, что дельфины в вергилиевских стихах призваны передать красоту, великолепие и изящную резвость троянских юношей [Henry 1853: 47]; по Т. Э. Пейджу, сравнение передает оживленность передвижения [Page 1894: 429].

Компромиссную позицию занимает Р. Д. Уильямс: он видит тут и быстрое, и радостное движение [Williams 1960: 153]. Р. А. Хорнсби считает точкой сравнения вид со стороны:

In the very act of playing out these war games, the youth appear like dolphins frisking in the sea. The present appearance of their action is the point of comparison. [Hornsby 1970: 53]

Толкование, предложенное Хорнсби, представляется интересным: сравнивая мальчиков с дельфинами, поэт подразумевает всю цепочку ассоциаций (и скорость, и резвость, и радость), то есть мальчики на конях сами были как дельфины.

Итак, в рассмотренных стихах Вергилий использует двойное сравнение, чтобы показать предмет с различных сторон: в случае

с Лабиринтом *tertium comparationis* — запутанность движения — названо напрямую, а изысканная трудность заключена в отождествлении объекта и образа сравнения, которые представлены разными частями речи (троянцы *движутся как Лабиринт*); во втором случае, напротив, объект и образ сравнения очевидны и обозначены *expressis verbis* (Teucrium nati <...> delphinum similes), а эффектное усложнение проходит по линии *tertium comparationis*, которое подразумевает весь ассоциативный ряд, возникающий у читателя / слушателя, когда он представляет себе плавающих в море дельфинов, так как однозначно на точку сравнения Вергилий здесь не указывает. Обращает на себя внимание и синтаксическая вариативность сравнений (они введены по-разному), и то, что запутанность маршрута передается через статичный образ, а быстрота, резвость, радость — через динамичный. Наконец, первое сравнение, по всей видимости, оригинально, тогда как второе должно вызвать в читательской памяти место из «Аргонавтики» Аполлония, подвергнутое в «Энеиде» Вергилия эффектному переосмыслению. Греческие топонимы, симметрично обрамляя пассаж, придают вергилиевскому сравнению цельность и единство.

Литература

- Гиляров 1986 — М. С. Гиляров (ред.). Биологический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1986.
- Ashley 1932 — A. M. Ashley. Poetic Imagery in Homer and Virgil // Greece & Rome, 2, 1932. P. 21–28.
- Conington 1863 — The Works of Virgil / J. Conington (comm.). Vol. 2. London: Whittaker and Co.; George Bell, 1863.
- Forbiger 1873 — P. Vergili Maronis Opera / Ed. perpet., al. et sua adnotat. illustr., <...> ind. rerum locupl. adiecit A. Forbiger. Pars 2. 4 ed. Leipzig: Hinrichs, 1873.
- Geymonat 1973 — P. Vergili Maronis Opera / Post R. Sabbadini et A. Castiglioni rec. M. Geymonat. Torino: Paravia, 1973.
- Henry 1853 — J. Henry. Notes of a Twelve Years' Voyage of Discovery in the First Six Books of the Eneis. Dresden: Meinhold and Sons, 1853.
- Heyne, Wagner 1832 — P. Vergilius Maro / Variet. lect. et perp. adnotat. ill. Ch. G. Heyne, cur. G. Ph. E. Wagner. 4 ed. Vol. 2. Lipsiae: sumtibus librariae Hahnianae; Londini: apud Black, Young et Young, 1832.
- Hornsby 1970 — R. A. Hornsby. Patterns of Action in the Aeneid: An Interpretation of Vergil's Epic Similes. Iowa: University of Iowa Press, 1970.

- Kappes 1884 — Vergils Aeneide / Für den Schulgebrauch erläutert von K. Kappes. H. 2. 3. Aufl. Leipzig: Teubner, 1884.
- Ladewig, Schaper 1912 — Vergils Gedichte / Erkl. von Th. Ladewig, C. Schaper und P. Deuticke. 13. Aufl. / Bearb. von P. Jahn. Bd 2. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1912.
- Mazon 1992 — Homère. Iliade. / Texte ét. et trad. par P. Mazon avec la collab. de P. Chantraine et al. T. 1. 8 éd. Paris: Belles Lettres, 1992.
- Mynors 1969 — P. Vergili Maronis Opera / Rec. brevique adnotat. crit. instr. R. A. B. Mynors. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 1969.
- Page 1894 — The Aeneid of Virgil. Books I–VI / Ed. with Introd. and Notes by T. E. Page. London: Macmillan, 1894.
- Putnam 1966 — M. C. J. Putnam. The Poetry of the Aeneid: Four Studies in Imaginative Unity and Design. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1966.
- Richardson 1993 — N. Richardson. Vol. 6. Books 21–24 // G. S. Kirk (gen. ed.). The Iliad: A Commentary. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Schell 2009 — K. C. Schell. Vergil's Self-Referential Simile: Thematic Construction through Internal Allusion in the Aeneid: Ph. D. diss. Providence, Rhode Island: s. n., 2009.
- Wilkins 1921 — E. G. Wilkins. A Classification of the Similes in Vergil's Aeneid and Georgics // The Classical Weekly, 14, 1921. P. 170–174.
- Williams 1960 — P. Vergili Maronis Aeneidos Liber Quintus / Ed. with a Comm. by R. D. Williams. Oxonii: Clarendon Press, 1960.

Список источников

- Гнедич 1990 — Гомер. Илиада / Н. И. Гнедич (пер.). Изд. подгот. А. И. Зайцев. Л.: Наука, 1990.
- Карпов 1996 — Аристотель. История животных / В. П. Карпов (пер.). Б. А. Старостин (ред.). М.: РГГУ, 1996.
- Литичевский 1995 — Плиний Старший. Естественная история. Книга IX / Пер., комм. Г. С. Литичевского // Архив истории науки и техники, 1, 1995. С. 141–190.
- Ошеров 1994 — Вергилий. Энеида / Пер. С. Ошерова под ред. Ф. Петровского // Вергилий. Собрание сочинений. СПб.: Биографический институт «Студия Биографика», 1994.
- Церетели 1964 — Аполлоний Родосский. Аргонавтика / Пер., введ. и прим. Г. Ф. Церетели. Тбилиси: Издательство «Мецниереба», 1964.
- Шервинский 1977 — Публий Овидий Назон. Метаморфозы / Пер. С. В. Шервинского. Прим. Ф. А. Петровского. М.: Художественная литература, 1977.